

Сусименко Елена Владимировна, Капанян Нина Николаевна

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНТЕНТА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ

В статье проводится сравнение теоретико-методологических подходов к анализу экономической истории государств в контексте теории институтов. Дается обоснование релевантности институциональной теории Д. Норта, учитывающей влияние идей и идеологий, транзакционных издержек и эффекта пат-зависимости на функционирование политических и экономических рынков и экономическое развитие стран.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 174-177. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

61. Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М.: Госполитиздат, 1957. 496 с.
62. Рындзюнский П. Г. Крестьянское антикрепостническое движение в промысловых селах первой четверти XIX века // Из истории крестьянства XVI-XIX вв. М., 1955. С. 75-89.
63. Савелов Л. М. Лекции по генеалогии. М.: Археографический центр, 1994. 270 с.
64. Сахаров А. Н. Общие проблемы исторической науки: о новых подходах в российской историографической науке: 1990–е годы // История и историки. 2002. № 1. С. 15-21.
65. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2. 643 с.
66. Семевский В. И. Пожалования населённых имений в царствование Екатерины II: очерк из истории частной земельной собственности в России. СПб., 1906. 492 с.
67. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: АСТ, 2005. Кн. 8. 1762-1765 гг. 434 с.
68. Тихонов Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII-XVIII вв. СПб.: Летний сад, 2005. 448 с.
69. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. М.: Наука, 1974. 396 с.
70. Фаизова И. В. Манифест о вольности и службе дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. 222 с.
71. Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII в. в России. М.: Наука, 1999. 419 с.
72. Худушина И. Ф. Царь. Бог. Россия: самосознание русского дворянства: конец XVIII - первая треть XIX в. М.: ИФ РАН, 1995. 232 с.
73. Черненко Д. А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII-XVIII вв. Вологда: Древности Севера, 2008. 224 с.
74. Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России в эпоху Петра I. М.: ИРИ, 2002. 392 с.
75. Шепелев Л. Е. Особенности образования новых служилых дворянских родов в XVIII – начале XX в. // Генеалогические исследования. М., 1994. С. 69-75.
76. Шмидт С. О. Общественное самосознание *noblesse russe* в XVI -первой трети XIX в. // Общественное самосознание российского благородного сословия: XVII - первая треть XIX в. М., 2002. С. 35-49.
77. Щепетов К. Н. Из жизни крепостных крестьян России XVIII-XIX веков: по материалам Шереметьевских вотчин. М.: Учпедгиз, 1963. 100 с.
78. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1904. Т. 7. 650 с.
79. Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб.: Типография А. М. Котомина, 1876. 680 с.

RUSSIAN NOBILITY OF THE XVIIITH CENTURY HISTORY STUDY IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY

Ekaterina Viktorovna Sokolova

Department of Russian History

Pskov State Pedagogical University named after S. M. Kirov

diva1986@yandex.ru

The author presents the analysis of researchers' views on the history of the nobility of the XVIIIth century, and shows that estate-legal aspect prevailed in pre-revolutionary historiography and social-economic aspect – in soviet historiography. At the present stage of nobility study there is increasing attention to the historical-cultural aspect of the privileged class position, and the interest to local studies grows as well. The question about the time when nobility formation process ended is still controversial.

Key words and phrases: history; nobility; historiography; researches; estate; object of research; discussion; source.

УДК 316.334.2:001.891

В статье проводится сравнение теоретико-методологических подходов к анализу экономической истории государств в контексте теории институтов. Дается обоснование релевантности институциональной теории Д. Норта, учитывающей влияние идей и идеологий, транзакционных издержек и эффекта пат-зависимости на функционирование политических и экономических рынков и экономическое развитие стран.

Ключевые слова и фразы: социальный институт; пат-зависимость; климетрия; технология; транзакционные издержки; конвергенция; детерминанты экономического поведения.

Елена Владимировна Сусименко, д. филос. н., доцент

Нина Николаевна Капанян

Кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации

Южно-Российский государственный технический университет

lesusima@yandex.ru; ninakapanyan@rambler.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНТЕНТА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ[©]

Все социальные институты – результат человеческой деятельности (личной или коллективной), цель которой – создание устойчивых механизмов социальной организации. Социальные институты являются стабилизирующими опорами преемственного существования и изменения общества и сами суть зависимые переменные.

Однако в каждом обществе действует принцип функциональной однородности, полноты и достаточности действующих институтов, который, с одной стороны, гарантирует их сравнимость по единому функциональному основанию, позволяя избежать релятивизма, и, с другой стороны, объясняет «системные эффекты» – отторжение институциональной системой чужеродных институтов.

В понимании природы института в институционально-эволюционной теории существует коренное различие между двумя видами современного институционализма – «старого» и «нового». Сторонники «старого» институционализма рассматривают институты как социально-психологические феномены, определяют институт как «привычки и стереотипы мышления, разделяемые большим числом членов общества» (Т. Веблен, У. Гамильтон, Т. Парсонс, Дж. Ходжсон и др.) [1, с. 47]. Представители данного направления делают упор на культурные нормы и традиции, подчёркивая, что институты не столько ограничивают, сколько направляют, облегчают и поощряют человеческую деятельность, формируют связи между людьми, стирают различия в индивидуальном поведении, делают поведение индивида понятным и предсказуемым для других.

«Новые» институционалисты (Д. Норт, М. Олсон, Р. Познер, О. Уильямсон, Г. Демсец, Р. Нельсон, С. Уинтер и др.) к институтам относят преимущественно юридические и неформальные нормы, образующие рамки, ограничения для деятельности человека, пропуская промежуточный уровень – привычки и стереотипы. Однако на уровне прикладного анализа это различие в значительной степени стирается: «Какой бы ни была природа институтов, в реальной современной жизни они принимают форму правовых норм, традиций, неформальных правил, культурных стереотипов» [Там же, с. 48].

В институционально-эволюционной теории выработаны три типа институциональной эволюции, три типа отношений между содержанием старых и новых институтов:

- *path dependence* («пат-зависимость», зависимость от траектории предшествующего развития) – глубокая связь, сильная зависимость новых институтов от старых. Общество воспроизводит социокультурные институты прошлого, постепенно внося в них изменения. Из всей институциональной системы изменениям быстрее всего поддаются те институты, которые относятся к внешнему, поверхностному слою, тогда как глубинные институты проявляют наибольшую устойчивость. Этот тип изменений считается преобладающим;

- *path determinacy* – изменения, которые полностью определяются прошлым;

- *path indeterminacy (path independence)* (независимость от прошлого) – отсутствие явной связи между старыми и новыми институтами. Проявляется в радикальной ломке предшествующей системы. Этот тип изменений встречается значительно реже. Американский учёный М. Тул приводит в качестве примера «привнесение неоклассической модели в Восточную Европу», считая такой подход обречённым на неудачу [Там же, с. 53-54].

Трактовка институтов как сознательно и/или стихийно складывающихся «правил игры» естественным образом ставит вопрос о том, как и почему эти правила меняются. Сторонники новой экономической истории делают акцент на сознательном выборе норм, на институциональном конструировании и экспорте институтов. Но есть и другая сторона проблемы изменчивости институтов. Речь идет об институциональной инерции, которая стала главным объектом изучения новых направлений экономико-исторических исследований и легла в основу теории пат-зависимости. Зависимость от предшествующего развития учитывает институциональные изменения и роль институтов в технических изменениях. Мы рассмотрим «нортовский» подход к динамике социальных институтов, а именно то революционизирующее влияние, которое оказывают правовые инновации и изменение транзакционных издержек на социально-экономическое развитие, иначе говоря, рассмотрим, как становятся возможны институциональные инновации.

По мнению Д. Норта, написание истории – это составление связанного темпорального изложения изменений всех аспектов человеческого существования. Человек не воссоздает, а составляет изложение прошлого. Изложение реальной истории должно быть последовательным, логичным, не выходить за рамки свидетельств и теории. Включение институтов в историю позволяет изложить ее лучше.

На этом основании в неоинституционализме переосмысливается соотношение клиометрии и технологии. «Клиометрическая» (описательная) экономическая история применяет к истории идеи неолиберализма и количественные методы. Специалисты обычно излагают историю как континуум и последовательность институциональных изменений. Экономическая история опирается на осколки теории и статистики и не дает обобщений и анализа, которые выходят за рамки конкретного исторического сюжета. В центре внимания неоклассики стоит проблема размещения ресурсов в каждый момент. Историки объясняют течение изменений во времени. Неоклассика исключает институты и рассматривает аллокацию ресурсов как идеальный процесс. Д. Норт определяет предмет экономической истории как анализ разных моделей роста, стагнации и упадка обществ во времени и «трения» институтов как источника дивергенции [3, с. 71].

По истории технологии и ее связи с экономикой написано много книг. Однако проблема ограничений осталась за рамками теории. И только К. Маркс в своих трудах разработал проблему связи производительных сил с производственными отношениями и соединил пределы технологии и человеческой организации. Но, по мнению Д. Норта, ошибочность марксизма в том, что для его реализации надо радикально изменить человеческое поведение. Даже после 70-ти лет социализма нет свидетельств таких изменений.

Клиометрическая история также отводит важную роль технологии в формировании благосостояния, а историю роста производственных мощностей рассматривает как утопию. Ошибочно рассматривать промышленную революцию, технологические изменения и модернизацию как панацею, поскольку большая часть мира все еще не реализовала блага технологии. Одновременно технология сделала смертоносными конфликты людей.

Резюмируя недостатки неоклассической теории и неомарксизма, Д. Норт актуализирует проблему сотрудничества. Существует громадный массив литературы об источниках экономического роста. Технология задает верхний предел экономического роста. В мире нулевых транзакционных издержек рост объема и применения знаний – ключ потенциального благополучия членов общества. Но возникает дилемма: общедоступность технологии не обеспечивает реализации ее потенциала, существует пропасть между богатыми и бедными странами.

В неолиберализме рост экономики не рассматривается как реальная проблема. Если выпуск продукции определен вещественным и человеческим капиталом, а объем капитала можно увеличить путем инвестиций в зависимости от рентабельности капиталовложений, то никакого фиксированного фактора роста нет. Редкость ресурсов преодолевается инвестициями в новые технологии, а любая другая редкость – инвестициями в новые знания. Но при этом трактовка роста отдачи и накопления вещественного и человеческого капитала зависит от молчаливой посылки: стимулы сами по себе приводят модель в движение. На ту же посылку опираются исследования конвергенции развитых стран, но не государств с централизованной экономикой и слаборазвитых стран. Следовательно, применение теорий конвергенции и вытекающих из них когнитивных и идеологических схем не всегда возможно, скорее даже ошибочно.

С другой стороны, марксистские теории империализма и неомарксистские теории зависимости центра от периферии, которые завершаются выводом об эксплуатации и/или неравномерности развития и распределения дохода, верны в той мере, в которой соотносят институты со стимулами, решениями в ситуации выбора и результатами решений. Действительно, на протяжении большей части истории человечества господствовали структуры обмена, которые отражали неравный доступ людей к ресурсам, капиталу, информации. В такой ситуации абсолютное большинство людей стремились нажиться за счет других. Поэтому убедительность теорий эксплуатации пропорциональна их способности доказать: институты действительно порождают теоретически предусмотренные неравные результаты. Однако это доказать невозможно.

Прошлое и настоящее дают громадное число примеров растущих, стагнирующих и кризисных экономик. Какие же именно институты определяют характер функционирования экономики и создают эффективные рынки? Если бедные страны – жертвы мешающей росту институциональной структуры, то навязана ли она извне, детерминирована ли внутренними факторами или есть следствие сочетания того и другого?

На эти вопросы ни неолиберализм, ни неомарксизм не отвечают. На них должно ответить системное изучение институтов, которое включает: эмпирические данные о транзакционных и трансформационных издержках различных экономик; анализ институциональных корней издержек. Нужны систематические эмпирические исследования для установления институциональных корней издержек, непродуктивности экономик и источников появления непродуктивных институтов.

Теория институтов базируется на положении: стимулы – фундаментальные детерминанты экономического поведения, центр исследования и ключевая проблема функционирования экономики. Стимулы менялись в прошлом и настоящем. Включить институциональный анализ в экономическую теорию и экономическую историю – значит сместить акцент, а не пренебрегать теорией цен и методами количественного анализа. Смещение акцента меняет понятие рациональности и выводы из него, включает в анализ идеи и идеологии, влияние транзакционных издержек и эффекта пат-зависимости на функционирование политических и экономических рынков и экономическое развитие стран [Там же, с. 73].

Д. Норт также фиксирует позитивную корреляцию между эффективными институтами и политической нестабильностью. Для плохо функционирующих экономик существование продуктивных институтов и информация об экономическом развитии стран с такими институтами – мощный стимул изменений. Проведенный анализ дает понимание двух свойств институциональной матрицы любой экономической системы: неформальных ограничений и транзакционных издержек политического процесса.

Неформальные ограничения берут начало в передаче ценностей посредством культуры, в расширении и применении формальных правил для решения проблем обмена и координации. В целом они пронизывают всю институциональную структуру. Традиции упорного труда, честности, сотрудничества снижают транзакционные издержки, стимулируют продуктивный обмен и поддерживаются определенными идеологиями. Субъективное мировосприятие индивидов опирается на культурное наследие и меняется под влиянием опыта, проходящего через фильтр культурно-детерминированных ментальных конструкций. Поэтому глубокие изменения цен меняют нормы и идеологии. Чем ниже информационные издержки, тем быстрее изменения.

Но самые совершенные политические рынки содержат высокие транзакционные издержки и не всегда ограничивают свободу политиков. Как показывает практика, даже члены современного Конгресса США во многих случаях независимы от избирателей. В некоторых условиях политик берет на себя организационные издержки и/или создает юридические нормы соблюдения своих обещаний. Это способствует формированию групп, стремящихся институционализировать радикальные изменения.

Теория революции позволяет связать воедино указанные свойства институциональной матрицы. Как было показано, английские революционеры низложили короля, взяли под контроль его политику, установили верховенство парламента, парламентский контроль финансов, ограничили королевскую власть, установили независимость суда от короны и приоритет общего права. Главное долгосрочное следствие изменений – более высокая защищенность прав собственности.

Самый примечательный непосредственный результат – быстрое развитие рынка капитала. Надежность прав собственности, развитие государственного и частного рынков капитала – факторы быстрого экономического

развития, гегемонии в международной политике и мирового господства Англии. Пат-зависимость показывает: социальные отношения и нормы в Англии сильно отличались от отношений и норм европейского континента. Видимо неформальные ограничения создали благоприятную среду для изменений формальных правил. Лучшее подтверждение – устойчивость возникшей политико-экономической системы. Если же радикальные изменения формальных правил приходят в противоречие с неформальными ограничениями, возникает бесплодная, но длительная политическая нестабильность.

Эффективные институты возникают в обществе со встроенными стимулами эффективных прав собственности. Но не имеет никакого смысла модель общества, в котором индивиды стремятся к максимальному своекорыстию без всякого влияния других мотивов. Неслучайно экономические модели общества в теории общественного выбора превращают государство в мафию или в Левиафана – механизм перераспределения имущества и дохода. Найти такие государства просто. Но теория общественного выбора не всеобъемлющая. Нужно глубже изучить детерминированные культурой нормы поведения и их взаимодействие с формальными правилами. Изучение институтов позволяет двигаться в этом направлении, но не гарантирует однозначных ответов на все вопросы [2, с. 172-178].

Список литературы

1. **Нестеренко А.** Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории // Вопросы экономики. 1997. № 3.
2. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
3. **Сусименко Е. В.** Феномен пат-зависимости в процессе институциональных изменений. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2008. 256 с.

THEORETICAL-METHODOLOGICAL PROBLEMS OF DETERMINING SOCIAL-ECONOMIC CONTENT OF INSTITUTIONAL CHANGES IN SOCIETY

Elena Vladimirovna Susimenko, Doctor in Philosophy, Associate Professor

Nina Nikolaevna Kapanyan

Department of Foreign Languages in Professional Communication

South-Russian State Technical University

lesusima@yandex.ru; ninakapanyan@rambler.ru

The authors compare the theoretical and methodological approaches to economic history analysis in the context of institutions theory, and substantiate the relevance of D. North's institutional theory, considering the influence of ideas and ideologies, transaction expenses and pat-dependence effect on the functioning of political and economic markets and the economic development of the country.

Key words and phrases: social institution; pat-dependence; cliometrics; technology; transaction expenses; convergence; economic behaviour determinants.

УДК 94(47+57+574)

Статья посвящена внешнеполитическим и торговым связям России во второй половине 1730-х гг. со Старшим казахским жузом. Основное внимание в работе уделено переговорам, которые вел руководитель Оренбургской комиссии тайный советник В. Н. Татищев с посланцами хана Старшего казахского жуза Жолбарса. Характеризуются российская правительственная политика в отношении Старшего жуза, внешнеполитические взгляды и дипломатические шаги В. Н. Татищева по развитию русско-казахских связей. Освещается военно-политическая сторона миссии руководителя первого русского торгового каравана в Ташкент поручика К. Миллера (1738 г.).

Ключевые слова и фразы: восточная политика России во второй половине 1730-х гг.; русско-казахские отношения; Старший казахский жуз; Оренбургская комиссия; В. Н. Татищев; К. Миллер; хан Жолбарс.

Илья Васильевич Торопицын

Кафедра истории России

Астраханский государственный университет

itoropitsyn@mail.ru

РОЛЬ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА В. Н. ТАТИЩЕВА В РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ СО СТАРШИМ КАЗАХСКИМ ЖУЗОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1730-Х ГГ. ©

Взаимоотношения России с казахскими жузами в XVIII в. имеют богатую историографию. Наиболее обстоятельно начальный период их присоединения к Российскому государству (1730-е гг.) был рассмотрен в